

В моей старой записной книжке сохранился московский адрес Августы Леонидовны: улица Донелайтиса, дом 12, корпус 2, квартира 110. И даже записано, как следует добираться до адресата. Ехать нужно было на метро до станции «Речной вокзал», а далее автобусом 119 до остановки «Улица Донелайтиса».

Вот по этому адресу, однажды взятому мной в одном из справочных бюро Москвы, расположенном неподалеку от памятника Маяковскому, я и отправился вместе с поэтом Борисом Гучковым к той самой Миклашевской, ставшей знаменитой, благодаря созданному Сергеем Есениным циклу стихов «Любовь хулигана», в котором семь стихотворений было посвящено ей, известной в то время актрисе. Он обессмертил ее имя.

Помню, что где-то по пути купили мы торт и крупные ярко-красные гвоздики. От нашего литинститутского студенческого общежития, расположенного на улице Добролюбова, добирались мы до актрисы не менее полутора часов. Панельный девятиэтажный дом 12, пришлось искать нам недолго: его белеющий силуэт четко проступал в сизой мгле октябрьского вечера. Мы вошли в подъезд и стали медленно подниматься по гулкой бетонной лестнице. Волнуясь, подошли к обычной стандартной двери,

Сергей Есенин и Августа Миклашевская

обитой темно-коричневым дерматином. Это был не сон, а явь: мы действительно находились перед заветной квартирой той женщины, с которой встречался молодой Есенин. Конечно, сразу же вспомнились его знаменитые строчки: «Дорогая, сядем рядом, поглядим в глаза друг другу, я хочу под кротким взглядом слушать чувственную вьюгу».

Мне вдруг подумалось: неужели я сейчас увижу ее... уже старенькую, согбенную, с дребезжащим, как ржавый колокольчик, голосом. Честно говоря — мне не хотелось видеть ее

такой. Не стоило разрушать ее чарующий женский образ, запечатленный в стихах поэта. Молча, стоял я несколько минут перед заветной дверью. А сзади — мой друг и земляк Борис Гучков. Он тоже, как и я, затаил дыхание и переживает редкую и удивительную минуту в своей жизни. Через несколько мгновений рука моя потянулась к черной кнопке электрического звонка, и он издал какой-то зудящий, шмелиный звук. И вот мы слышим мелкие, суегливые шаги, резкое металлическое щелканье замка. Тихо открылась входная дверь. Я чуть-чуть зажмуриваю глаза и сквозь легкий прищур вижу седую голову, прямые волосы, забранные под гребенку, светлых тонов домашний халат, очень живые злато-карие глаза и восторженный, ликующий голос: «Ой, мальчики, я вас так давно не видела! Ну, заходите же скорее!» Помню, мне подумалось в эту минуту: «Да она, кажется, не в своем уме...». На какое-то мгновение мы буквально опешили. А тем временем Августа Леонидовна ласково, как многие сердобольные старушки, приглашала нас к себе, как будто мы были ее внуки или близкие родственники. И вот я уже более внимательно разглядываю ее. Августа Леонидовна совсем небольшого роста, сухонькая, живо и нервно жестикулирует. Вот она встала боком, пропускающая нас в квартиру. Я вижу ее прямой нос, слегка заостренный подбородок, четкую линию тонких, как ниточка, губ.

Медленно и стеснительно перешагнули мы небольшой порог квартиры и оказались в тесной прихожей. Начинаем знакомиться. Августа Леонидовна протягивает мне свою легонькую ладошку. Преподносим ей цветы и торт. Услышав наши голоса, выходит из соседней комнаты пожилая, но еще стройная женщина. И здесь же, в прихожей, Августа Леонидовна знакомит нас со своей сестрой, камерной певицей, Тамарой Леонидовной. Актриса ведет нас по узкому коридору в свою комнату. На стенах развешены фотографии Есенина. А на столике, на подоконнике, на шкафу — небольшие скульптурные фигурки Есенина, маленькие гипсовые бюсты поэта. Несколько фотографий самой Августы Леонидовны развешены над ее кроватью. Тут же, рядышком, квадратной формы старый репродуктор. Потом, во время нашего душевного разговора, актриса печально посетует: «Обидно, что стали так редко читать по радио есенинские стихи». Она продолжала: «Да вы не стесняйтесь, проходите, рассаживайтесь, ребята». Аккуратно ставит гвоздики в хрустальную вазочку.

Между тем Борис Гучков мягко опускается в кресло, а я присаживаюсь рядышком на краешек стула.

«Между прочим, в этом кресле незадолго до отъезда в Ленинград, в 1925 году, сидел Есенин. Он заходил ко мне, чтобы проститься... Был очень грустным и часто вспоминал некоторые наши встречи и то время, когда создавались его лирические шедевры, вошедшие в цикл «Любовь хулигана». В нем семь стихотворений было посвящено мне. Хочу заметить, что выходящие современные издания мое имя вычеркивают, а при жизни поэта стихи печатались с посвящением. Непонятно — почему такое происходит? Цензура что ли запрещает или новые редакторы такие невежественные?» — грустно заметила актриса. Борис Гучков, услышав от Августы Леонидовны о том, что в этом кресле, где он сейчас сидит, когда-то, в далеком двадцать пятом году, сидел великий поэт, резко вскочил. Я заметил, как он сразу же побледнел. Хозяйка квартиры ласково успокоила его: «Да Вы присаживайтесь! Именно вот так — все сразу же вскакивают, как ошарашенные, когда узнают об этом».

В тот памятный и волнующий вечер сидели мы за круглым столом из красного дерева, пили малинового цвета пахучий чай, расспрашивали Миклашевскую о Есенине. А если она что-то забывала, то ее воспоминания дополняла своими рассказами о поэте сестра Тамара Леонидовна. Конечно, я еще до этой встречи читал все воспоминания Августы Леонидовны, но то, о чем она поведала нам, еще не было опубликовано. Рассказала она, как разводилась со своим мужем — Миклашевским, которого не любила.

Говорила: «Я холодная женщина. Поэтому я только один раз «теряла» голову, полюбив танцовщика Большого театра Льва Лащилина. Я ждала от него ребенка. Из-за этой любви чуть было не погибла. Однажды ко мне пришла молодая женщина и стала требовать от меня совершенно невозможного, чтобы я оставила в покое танцовщика. Оказывается, она тоже любила его. У нас пошел с ней яростный и враждебный разговор. Когда стемнело, моя соперница неожиданно выхватила из своей сумочки дамский пистолет и тут же выстрелила в меня. Первая пуля попала мне в руку. Вторая — слегка царапнула плечо, а третья пролетела выше головы. В нашем доме жили офицеры. Я кинулась за помощью к ним, обезумевшая от ужаса. Но задержать эту роковую и таинственную незнакомку даже офицеры не смогли — она быстро исчезла в узких переулочках старой Москвы. Это было в 1918 году. От Лащилина у меня родился 30 мая 1918 года сын Игорь. В официальном браке с Львом Александровичем я не состояла. Он был женатым человеком. Наш сын выбрал в жизни спортивную карьеру — занимался боксом. Был мастером спорта, чемпионом Ленинграда. Во время войны он служил в разведке. Участвовал в спецоперации покушения на Гитлера. Но это спецзадание было отменено лично Сталиным из-за политических соображений. А в послевоенные годы Игорь работал тренером по боксу в спортивном обществе «Трудовые резервы».

Но продолжим нашу беседу о Есенине. С ним у меня в то далекое время, а конкретно, с августа 1923 года началась чистая и нежная дружба. (Между прочим, я в это время подумал: какая-то мистика — Есенин встретил в августе и влюбился в молодую женщину по имени Августа. — Г.М.) Но любила я тогда не поэта Есенина, а Льва Александровича. Ведь сердцу, как говорится, не прикажешь. Сережа Есенин просто ухаживал за мной, писал и посвящал мне свои гениальные стихи. Наши свидания-встречи проходили в разных уголках Москвы. Однажды он ждал меня у кафе «Стойло Пегаса», чтобы подарить мне новые стихи, опубликованные в одном из лучших журналов той поры — «Красной нови». Помню, что был очень холодный день. Поэт стоял у входа в кафе в темном длинном пальто и летних, модных ботинках. Шею окутывал широкий красный шарф, похожий на вспыхнувшее пламя. В руках он держал нежные, еще не до конца распустившие розы и журнал со стихами. Несмотря на

то, что я опоздала на целых сорок минут — не смогла прийти вовремя из-за того, что была на репетиции — все равно Сережа был рад, что я пришла. Он ничуть не роптал, а вручил мне изумительные цветы и журнал, тихо, почти шепотом, сказал: «Там стихи о тебе». Цикл открывался стихотворением «Заметался пожар голубой...». Мы вошли в кафе. Сели за столик. Тут же нас окружили знакомые поэты, актеры и художники. Потом началась шумная застольца. Просидели мы в кафе чуть ли не до рассвета. Сергея просили читать стихи. Декламировал превосходно, как говорится, «поймал кураж». Аплодисменты были долгими, все время просили читать и читать. Ушли из кафе только на рассвете. Молоды мы были тогда и беспечны...»

Августа Леонидовна продолжала рассказывать, а я вспоминал эти изумительные есенинские стихи, прочитанные мной еще в самой ранней юности и до глубины души потрясшие меня своей исключительной искренностью, пластическим и текучим лиризмом. И вот сижу я в гостях у героини этих стихов, ставших нашей бессмертной классикой. Героиня — в довольно преклонном возрасте, а стихи, как были молодыми, пленительно-грустными, так и остались такими. Это несоответствие томило и угнетало меня весь этот необыкновенный вечер. Внимательно и пытливо всматривался я в глаза Августы Леонидовны, чуть выцветшие, но еще сохранившие прежний лучистый блеск. Сразу же вспомнилась есенинская строка, точно передающая цветовую гамму ее взгляда: «Глаз твоих злато-карий омут». А ее имя поэт воспел в строке: «Что ж так имя твое звенит, словно августовская прохлада!»

О многом было переговорено в тот мгlistый осенний вечер. Августа Леонидовна не раз вспоминала многие литературные имена, в том числе и Маяковского. Оказывается, он приходил к ней, чтобы посмотреть на ту, которой Есенин пишет такие чудесные стихи. Говорила она нам еще о том, как Сергей, узнав, что ее сестра Тамара Леонидовна взяла на воспитание приемного сына, приходил к ней, чтобы посмотреть на мальчика и поласкать его. Августа Леонидовна сетовала: «Вот иногда недоброжелатели пишут, что Есенин был чрезвычайно грубым и развязным. Лично я его таким никогда не видела. Он был очень человечным. А со мной даже иногда застенчивым, стеснительным. Возможно, что это было обусловлено серьезным любовным чувством ко мне. Ведь если бы его не было, то навряд ли бы он создал такие глубокие, открытые и печальные стихи о любви... Не подумайте, что я приукрашиваю его внутреннюю суть, его натуру и характер. Нет! Нет! Он был сложным, даже очень сложным человеком. И храбрцом. Однажды после спектакля, поздней ночью, провожал он меня до дома вместе с Ванечкой Грузиновым. Время было тревожное. Подходим к моему подъезду и видим: стоят какие-то подозрительные типы. Кинулись к нам — и началась драка. Есенин драться умел: сильный, мускулистый, ловкий был парень. Его белая рубаха, как порхающая бабочка, мелькала в темноте. Если бы не он, то мы вряд ли отбились бы от ночных хулиганов».

Разговор шел у нас и об окружении Есенина. Миклашевская рассказала нам о Мариенгофе и Шершеневиче. Последний даже приударял за ней. Говорила, что ни тот, ни другой друзьями Есенину не были, хотя и дружили, но это была «дружба вежливости», исходящая от чисто меркантильных соображений. Их имена и так называемое «творчество» никто бы не знал, но только благодаря их знакомству с великим Есениным — они «мерцают» в истории литературы. Всех их поначалу объединяла молодость, но далее они все больше отдалялись друг от друга, тем более что слава Есенина была поистине всенародной. Сама эпоха требовала таких исповедальных стихов, которые создавал Сергей Александрович.

Вспомнила Августа Леонидовна и свою первую поездку в Константиново 2 октября 1965 года. Она присутствовала на открытии Есенинского музея. Кстати, там были и грузины. Узнав, что у Миклашевской прабабка по материнской линии была грузинкой, они во время есенинских торжеств чуть было не на руках носили ее. Рассказывала нам Августа Леонидовна и о театре. Ей пришлось за свою большую творческую жизнь работать в разных городах страны: в Москве, Брянске и Рязани. Коснулась она и судьбы Зинаиды Райх. Жутко было слушать ее, когда она рассказывала о зверском убийстве Зинаиды Николаевны. В то время за стеной жил кто-то из актеров. Дикие предсмертные крики, доносившиеся из квартиры Райх, слышал сын этого актера, но не придал им особого значения, ибо посчитал их за очередной нервный срыв бывшей жены Есенина. Подобное повторялось довольно часто. Миклашевская сказала: «Вообще эта дамочка-актриса была законченной истеричкой. Поэтому Есенину, чтобы спасти себя как поэта (а цену себе он знал!), ему пришлось, в конце концов, развестись, что он и сделал. Сергей, в буквальном смысле, удрал от Зиночки. Она даже в больнице, где его лечили от временного расстройства нервной системы, устраивала чуть ли не скандалы. В категоричной форме требовала от него денег, которые он должен был получить за свое трехтомное собрание сочинений».

От таких невеселых разговоров мы вскоре перешли к непринужденным, легким и веселым. И первый шаг к шутке и смеху умело, по-артистически сделала сама хозяйка, особенно когда стали мы листать ее пухлый семейный альбом с фотографиями. Среди профессиональных, хорошего качества снимков попадались и чисто любительские фотографии, сделанные во время спектаклей, а также те, что запечатлели Миклашевскую в домашней обстановке. Очень хороша была фотография, где Августа Леонидовна позирует перед фотографом в роли Анны Карениной.

Веселым шуткам не было конца. Смеясь, Августа Леонидовна обратилась к нам: «Вы поначалу, наверное, подумали, что я чокнутая. Помните, как, увидев вас, я восторженно воскликнула, что уже давно жду моих мальчиков. А я, как видите, слава Богу, еще в своем уме. Мне ведь ни много ни мало, а целых восемьдесят пять! Не сердитесь, пожалуйста, что я вас перепутала с другими людьми. Дело в том, что тут нас с Тamarой молодежь навещает. Помогают нам: бегают в магазин за продуктами. Мы очень благодарны им. Они боготворят Есенина, собирают вырезки о нем, покупают многие его книги. Одним словом, есенинцы. На Ваганьковском кладбище за могилой поэта ухаживают. Приходят туда в свободное время или в день рождения поэта и читают посетителям и туристам стихи Сергея Александровича».

В эти веселые минуты мы духовно сроднились с Августой Леонидовной. А когда разговор наш коснулся сугубо интимных отношений поэта и актрисы, то я в конце нашей беседы (да простит мне читатель эту нахалинку!), не удержавшись, спросил Миклашевскую: целовалась ли она с Есениным. Помолчала Августа Леонидовна, загрустила и, вспоминая давнее, отдаленное от нас более чем пятью десятками лет, просясь, ответила: «Нет, не целовалась, но любила гладить его кудрявые волосы, мягкие, шелковистые. Было мгновение, когда он лишь единственный раз коснулся губами моего лба. Вот и все».

На прощание Миклашевская вынула из альбома свою фотографию и сделала дарственную надпись на ней: «Геннадию Морозову на память о наших встречах с С. Есениным. Августа Миклашевская. 13.X.76 г.» Я искренне и тепло поблагодарил актрису за такой редкий подарок, сказав: «Августа Леонидовна, у Вас, должно быть эта фотография последняя, вы ее оставьте у себя. Я же весь вечер фотогра

фирова́л Вас, проявлю пленку, сделаю карточки и подарю Вам. На одной из них напишите мне свой автограф». Фотографировал я довольно много: сначала отснял Миклашевскую, потом ее сестру Тамару Леонидовну, сделал общий снимок всех нас, а потом сфотографировал часть интерьера их двухкомнатной квартиры. Даря мне свою фотографию, Августа Леонидовна, как я заметил, немного волновалась, словно предчувствовала что-то... И ее это подспудное, тревожное и смутное предчувствие впоследствии оправдалось. Просто мистика какая-то! Действительно, случилось непредвиденное: во время утренней прогулки с собакой своих московских родственников, у которых я проявил пленку, случайно выронил ее из кармана куртки. Кадры на ней получились отличного качества. Так, по моей небрежности, были утеряны уникальные снимки, запечатлевшие эту нашу необыкновенную и редкую встречу. Очень жаль.

Когда пошел уже двенадцатый час ночи, мы тепло простились с гостеприимными Августой Леонидовной и ее сестрой. Как только вышли на улицу, то сразу же почувствовали резкое похолодание — колючий, режущий ветерок гнал по московским улицам жухлые, сухие листья. В клочковатых тучах мелькала зеленоватая луна и ее фантастический, таинственный свет дробился и переливался в желтых отсветах столичных фонарей.

